

СЕГОДНЯ РАМПА ЗАЛИТА ОГНЯМИ

За заслуги
в области
советского
театрального
искусства...

Мягко стучат по рельсам колеса поезда, уносящегося в темноту. Где-то позади остался родной город.

«Вот так всю жизнь на колесах,— подумалось Степану Павловичу. — Даже стихи у меня получаются какие-то дорожные:

Тебя умчал сегодня
поезд скорый.
Нам даже попрощаться
не пришлось,
Ну, что ж, бывает...
Мы с тобой антеры,
Сегодня вместе —
завтра снова врозь.

Да, время летит, а давно ли, кажется, было...»

Парнишка ходил в красной рубашке. Он считал, что так нужно, что красный цвет — самый лучший, самый красивый, самый боевой.

В один из осенних вечеров, когда в стекло барабанил бесконечный дождь, нервно мигал фиолетовый свет, он сел писать свою первую заметку в газету — в «Болховскую коммунистическую». Да и как тут было не писать! У кулака Бурмистрова пустует горница, а в селе нет даже плохонького помещения для занятий ликбеза, негде собираться молодежи вот в такие скучные, грязные осенние вечера, в зимнюю стужу.

Заметку напечатали. Вскоре пустующая горница стала самой многолюдной. В ней поместились ликбез и театр. Первый театр в деревне! Махонькая сценка, несколько грубых лавок. А он,

гордый и счастливый, уселся писать пьесу. О парнишке, который тоже бегал в красной рубашке, который был так похож на него самого, на его товарищей — комсомольцев. Тема была навеяна самой жизнью. Пьесу назвал «Селькор Ильичев». Конеч получилась трагическая. Кулаки убили смелого, беспокойного селькора.

Ребята спешно выучили роли, состоялась премьера.

А у него родилась мечта. Далекая такая, заманчивая, она казалась ему почти несбыточной.

«Разве может деревенский парень с черными от работы руками, с пылками на ногах стать актером, играть взаправдашнего театра?» — думалось ему.

И все-таки он решил ехать в Москву.

Работал истопником, землекопом, кончил библиотечные курсы, строил своими собственными руками первую очередь Московского метро.

В 1935 году его приняли в студию при театре Мейерхольда.

...1941-й... Северокавказский фронт. Сколько нелегких военных дорог пришлось исколесить ему со своим фронтовым театром! Он играл генерал-майора Колоса в спектакле «Фронт» Корнейчука, Чапая в «Трех полководцах», Харитонову в «Русских людях».

Их ждали в госпиталях, они добивались до передовой. Когда наступало коротенькое затишье между боями, Степан читал бойцам стихи Маяковского, Симонова, поэму Матусовского «Волodyка». О простом русском парнишке, парнишке-герое. Его слушали затаив дыхание. Стихи заставляли крепче сжимать дуло автомата, сильнее, бесшаднее биться сердце, они звали в бой.

Часто импровизированные концерты обрывались. Нужно было срочно вытаскивать из-под обстрела раненых, самому брать в руки оружие. Артист становился бойцом.

А потом снова в путь... Так всю войну Степан Козлов шел, шел к победе.

А когда война была отодвинута на много лет назад, Степан Павлович вновь и вновь возвращается к ней в пьесах, в которых ему приходилось играть в своих собственных стихах:

Мне снова и снова
о том вспоминать,
что горько
запомнилось в жизни
солдата...
Сяду от горя
норвежскую мать
я вижу сегодня, как
видел когда-то...

Нет! Не нужно нам больше могил, разбросанных по всему свету, горьких материнских слез. Каждой своей новой ролью, каждым словом, обращенным в зрительный зал, он призывает людей бороться за мир. Пусть у нас рождаются послевоенные, счастливые дети, не знающие, что такое голод, смерть.

Он создает мужественные образы простых советских людей. Самые дорогие для него — это Ковалев в спектакле «Регисте живых сыновей», Забродин в «Ленинградском проспекте», Трофим Гордеевич в спектакле «Чти отца своего»...

А роль Мошкина в спектакле «Холостяк»? Это его лучшая роль. Ицо живет незаметный человек. И фамилия у него такая же, как и он сам, — Мошкин. Но когда дело касается его чести, достоинства, когда на его глазах обижают слабых, беззащитных, он делается великим, необыкновенно сильным и смелым, готовым встать на защиту обездоленных, угнетенных, обиженных.

Сколько у Степана Павловича связано с этой ролью! Бессонные ночи,

бесконечные репетиции, работа над образом — были вечным поиском. И вот награда — восторженный гул зала, дружный плеск аплодисментов.

...Степан Павлович возвращается из театра взволнованным. Тридцать лет в театре — немалый срок. Сколько ролей сыграно! Одних ведущих около ста. Сегодня было много поздравлений, улыбок.

Да и как тут быть спокойным! В душе у него, как музыка, звучат слова:

— За ваши заслуги в области советского театрального искусства Президиум Верховного Совета РСФСР Указом от 10 июля 1965 года присвоил вам почетное звание Заслуженного артиста РСФСР.

Степан Павлович шел и улыбался. За какой-то миг в памяти пронеслось: крохотная сценка в бывшем кулацком доме, первые аплодисменты натруженных, мозолистых рук односельчан. Учеба. Северокавказский фронт. Стихи Маяковского, Симонова. Глаза, устремленные на него из-под белой марли бинтов. Глаза, требующие от него настоящих, правдивых, мужественных слов.

— Это было недавно. Нет, очень, очень давно. А сегодня...

Сегодня рампа залита огнями,
И луч дрожащий
на кулисы лег.
А завтра мчимся
трудными путями
в какой-нибудь
районный городок,
Где возле клуба гам,
столпотворение.
А под окном гармонь
любьбу зовет.
И нам приходит
снова вдохновение.
Волнует нас, покоя
не дает.

Театр для него — жизнь, труд, нелегкий, но желанный, приносящий ему счастье. О театре ему хочется говорить стихами.

Н. ГУЦЕВА.

Заслуженный артист РСФСР С. П. Козлов в ролях: Мошкина («Холостяк»), Фернандо («Раба своего возлюбленного»), Забродина («Ленинградский проспект»).

